

Часть первая. Тревожная юность.

Часть I.

Тревожная юность

Глава 1. Переселенцы

Хмурое осеннее утро 1765 года. Вольный город Любек на самом севере Германии. Маленькие, аккуратные домики с садиками. Готические постройки с устремлёнными в небо остроконечными шпилями. Старинный, построенный в начале 13 века, собор, величественная и строгая церковь Мариенкирхе, ратуша и городские ворота: Бургор и Хольстентор, у которых любила собираться молодёжь. Чуть поодаль, на реке Траве, вблизи её впадения в Любекскую бухту Балтийского моря, порт. В дымке тумана лес стройных мачт. У одного из причалов пёстрая, разношёрстная толпа: крестьяне, бюргеры, военные. Мужчины, женщины, дети. Детей особенно много. Еще не совсем проснувшись, они зябко жмутся к родителям. Здесь же тюки, корзины, узлы, ящики. Идет погрузка на корабль, направляющийся в Россию.

Судя по всему, жилось этим людям на их Родине не сладко. Постоянные войны (этот период потом назовут семилетней войной), набеги, грабежи и поборы, произвол князей и местных властей, преследования на религиозной почве. А там, в России, вербовщики Екатерины Второй обещали им золотые горы. Из их рассказов следовало, что «Императрица в тёплых краях своей империи создала рай для своих бывших соотечественников», что «семьи, не имеющие своего имущества, станут в России владельцами домов, пахотной земли, виноградников», что «на Волге можно за два пфеннига накормить обедом 8 человек».

Люди поверили, снялись с насиженных мест и, таясь от властей, окольными тропами, кто в одиночку, а большинство семьями прибыли в Любек, чтобы оттуда в соответствии с договорами, заключёнными с вербовщиками, отправиться в таинственную и пугающую Россию.

Среди отъезжающих на том корабле был и наш предок по мужской линии, выходец из юго-западной Германии, тридцати трех лет отроду, католик, печатник и переплётчик Иоганн Майер. Вместе с ним в далёкую и неведомую Россию направлялись его жена Анна и двое малолетних сыновей. В их городке, разорённом войной и пожарами, было не до печатания книг и Иоганну приходилось заниматься плотническими и печными работами. А там, в России, как уверял их вербовщик, такой приятный и достойный господин, разворачивалось школьное дело и даже якобы собирались создавать или уже создали то ли Академию наук, то ли университет, следовательно, нужны будут книги, много книг. Их надо

печатать, переплетать! Старики родители звали к себе в деревню, где теперь с окончанием войны так нужны были крепкие мужские руки, пугали рассказами о лютых морозах, бородатых русских мужиках и медведях. Напоминали о запрете на выезд из немецких земель. Но надежда заняться любимым делом пересилила.

И вот теперь, стоя на палубе отходящего от берега корабля, Иоганн со щемящей болью в душе и слезами на глазах прощался, скорее всего, навсегда, со своим фатерландом.

В дорогу переселенцам выдали хлеб, сухари, сушёное и копчёное мясо, вино. Плохо одетым, а таких было немало, выдали одежду. Кроме того, перед отправкой каждому вручали в качестве подарка 16 шиллингов. Эти деньги переселенцы расходовали на покупку дополнительных продуктов питания на дорогу. Путь от Любека до Кронштадта по Балтийскому морю длился 10 дней. Десять дней тумана, промозглой сырости и качки. Наконец, 2 сентября 1765 года очередная партия переселенцев ступила на русскую землю.

Иностранцев с Запада российские правители приглашали и вербовали давно. Особый размах этот процесс принял в период царствования Ивана III, по инициативе которого из Италии стали приглашать художников, инженеров, горняков, литейщиков (для отливки колоколов), ювелиров, врачей. В середине 16 века Иван IV (Грозный) послал в Германию иностранного агента Шлитте, чтобы завербовать для русской службы ремесленников, техников, кустарей и учёных. Шлитте завербовал 123 человека, среди которых были врачи, аптекари, юристы, архитекторы, инженеры по строительству военных укреплений, оружейники, стекольщики, часовщики и другие. Но в Любеке по указанию прусского короля все эти люди были задержаны, а Шлитте арестован. Энергичным поборником западноевропейской культуры был Борис Годунов. Он приглашал в Россию промышленников из Англии, Голландии, Дании и свободных немецких городов: Гамбурга, Любека и Бремена. Кроме техников, врачей и ремесленников, Борис Годунов приглашал и военных. Желая основать в России университет, он послал в Германию иностранца Иогана Крамера, который должен был вербовать для Москвы профессоров. О результатах этой деятельности ничего неизвестно.

Во время царствования Василия Шуйского и в годы Смуты отношение к иностранцам в России резко изменилось к худшему. Восстание русского народа против Польши вылилось в протест

против всего иноземного. Пригород Москвы «Немецкая слобода» был разорён и уничтожен. Переселившимся ранее в Россию иностранцам жилось в эти годы очень плохо. Только после установления в стране порядка и восшествия на престол первого царя из династии Романовых, Михаила Федоровича, правительство России решилось опять пригласить иностранцев. Особенно преуспел в этом второй царь из династии Романовых, Алексей Михайлович, по указанию которого была заново отстроена «Немецкая слобода», и в Россию пришла очередная волна переселенцев с Запада.

К концу 17 века в России проживало около 18 тысяч иностранцев. И хотя среди них были представители самых различных национальностей, в народе всех их обычно называли немцами. Отношение к ним продолжало оставаться далеко не однозначным. В то время как правительство видело в их деятельности большую пользу для государства, простой народ, да и многие придворные считали, что присутствие иностранцев приносит России лишь вред. Подобное мнение поддерживалось и подогревалось духовенством, враждебно относящимся ко всем иноверцам. Несмотря на это, влияние западноевропейцев в России росло. Приближалась эпоха больших реформ Петра I. Лично побывав за границей и увидев, как живут и трудятся европейцы, Петр стал вербовать специалистов для своего государства. Вначале он приглашал в основном техников и военных, но вскоре стал вербовать людей мирных профессий: педагогов, садоводов, лесоводов, земледельцев и разных мастеров «бытового» искусства. Петровские реформы затронули многие стороны государственной, общественной и экономической жизни России. Его подданным пришлось усваивать новые нравы и обычаи, новые формы общественных отношений.

В период царствования Екатерины II эмиграция западноевропейцев в Россию резко возросла, приняв в период с 1763 по 1767 годы массовый характер. При этом в отличие от прошлого, на русскую землю приглашались не специалисты и умельцы, а рядовые крестьяне и ремесленники, прежде всего из германских земель. Вызвано это было, разумеется, не национальными чувствами императрицы, а сложной обстановкой, сложившейся на Нижней Волге. После успешных военных операций в этом регионе России образовалось много пустующей, необрабатываемой земли, по которой кочевали со своим скотом калмыки, башкиры, казахи. В первой половине XVIII века на этих землях обосновались повстанческие шайки и банды грабителей. В 1730-1740 годах

царица Анна Иоановна посылала в эти края войска, но навести там порядок не смогла. Безуспешными оказались и попытки правительства путём создания в этих местах компактных селений образовать с их помощью заслон против кочевников и разбойничьих банд. Селились здесь в основном старообрядцы, сектанты, а также беглые крепостные и преступники, большинство из которых заниматься сельским хозяйством и не помышляло. Вопреки надеждам правительства такие поселения часто становились пристанищем разбойничьих шаек. Поэтому с приходом на престол Екатерины II и было решено для заселения этих мест завербовать переселенцев с запада.

В те времена процесс заселения пустующих земель называли колонизацией, а людей, приглашенных для их освоения – колонистами. Позже, в конце 19 века эти слова приобрели новый, агрессивный смысл, в связи с чем во избежание недоразумений колонистов официально стали называть поселенцами – собственниками. Сами же они чаще всего называли себя переселенцами. В этой главе мы будем наряду с термином колонист будем употреблять более широкий и более безобидный термин – переселенец.

Во исполнение принятого решения Екатерина II в 1762-63 годах издала два Манифеста, в соответствии с которыми всем иностранцам, решившим приехать в Россию, разрешалось по своему усмотрению выбирать как место поселения, так и род деятельности. При этом каждой мигрировавшей семье был обещан щедрый земельный надел (30 десятин на семью), беспроцентная ссуда, бесплатный проезд, освобождение от налогов (в течение 30 лет) и от воинской повинности, право на беспошлинную торговлю и на свободный выезд. Гарантировалось также нераспространение на переселенцев крепостного права и, что было для многих из них очень важным, им разрешалось жить в соответствии с их нравами, обычаями и вероисповеданием.

Одновременно с опубликованием Манифеста в западные страны, главным образом в германские земли, были направлены весьма авторитетные вербовщики, которым за каждую завербованную семью было обещано хорошее вознаграждение. Их обещания и уговоры падали на благодатную почву. Только что закончилась Семилетняя война (1756-1763 гг.), огненным катком прокатившаяся по центральной Европе. Многие села были разорены; семьи, лишившиеся кормильцев, нищенствовали. Крестьяне, оказавшиеся под оккупацией, попали под двойной гнёт. Рекрутов на-

бирали не только на службу в армии княжеств или в личное распоряжение князей, но и для службы в чужеземных армиях. Население преследовалось за религиозное инакомыслие. Неудивительно, что многие поддались на посулы вербовщиков. Перспектива получить крупный надел земли и денежную ссуду, освободиться от воинской повинности казалась соблазнительной для многих плохо обеспеченных жителей западной Европы. О трудных и опасных условиях, в которых переселенцам и их потомкам придется жить в России, большинство из них даже и не подозревало. Сначала вербовка шла успешно, но вскоре все изменилось. Массовый выезд крестьян и ремесленников противоречил интересам нарождающейся буржуазии, заинтересованной в свободных рабочих руках. В этих условиях правители, прежде всего германских государств, издали декреты, запрещающие их подданным выезд за пределы их стран. Попытка же выехать тайком каралась конфискацией имущества и угрозой, что в случае желания эмигрантов вернуться на старую родину, для них граница будет закрыта. Несмотря на это, вербовка продолжалась, хотя и с опасностью для самих вербовщиков. Официальные разрешения на выезд давались, как правило, только наиболее бедствующим крестьянам и ремесленникам. Остальные уезжали тайком. Среди них художники, офицеры, врачи, учителя, студенты и даже мелкопоместные дворяне. Все они надеялись найти в России свое счастье. Были среди эмигрантов и опустившиеся люди: ленивые, пьющие и даже преступники, от которых население деревень старалось избавиться. В 1768 году, после издания кайзером Иосифом II эдикта о строжайшем запрете любой эмиграции из германских земель, вербовка и выезд в Россию временно прекратились.

Для решения общих стратегических задач, связанных с расселением колонистов, в России на правах министерства была создана государственная комиссия по делам переселения иностранцев. В дальнейшем этому органу было присвоено название «Канцелярия опекунов иностранцев», в народе просто «Канцелярия».

В соответствии с решением правительства прибывающих колонистов следовало селить в низовьях Волги, на её левом и правом берегах от Самары до Камышина. Селиться колонисты должны были сёлами (колониями). На каждое село выделялось от 40 до 60 тысяч десятин земли, которой, по мнению канцелярии, в перспективе, с учётом прироста населения, должно было хватить на тысячу семей. Отвод земельных угодий должен был выпол-

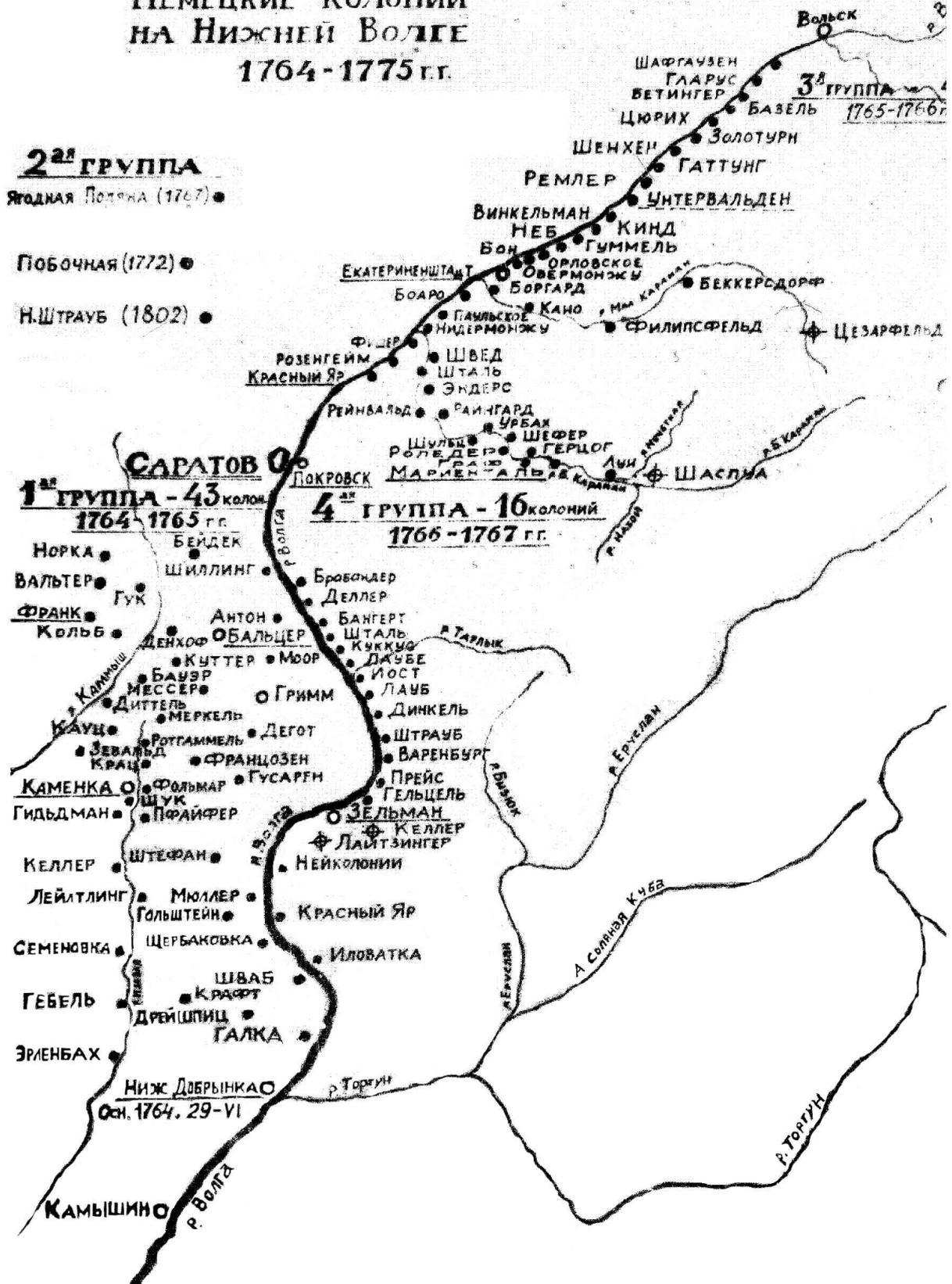
няться с таким расчётом, чтобы между селами не оставалось пустующей земли. При распределении поселенцев по селам учитывались их национальность и вероисповедание. Для решения текущих конкретных задач в городе Саратове была организована «Опекунская контора» для иностранцев. Возглавлял её верховный судья, назначаемый самой императрицей. В компетенцию Опекунской конторы входили все стороны жизни колонистов. Публикуемые ею приказы и инструкции регламентировали каждый шаг колонистов: что, где и когда сеять; когда убирать, где поднимать зябь, где сеять озимые. Были детальные указания на последовательность работ по сеноуборке, сроки начала и конца этих работ. Более ста лет действовали эти указания, и колонистам запрещалось вносить в них какие-либо усовершенствования, проявлять инициативу. Все должно было делаться так, как в окружающих русских сёлах.

Всего в период с 1763 по 1767 годы в Россию по набору приехало около 27 тысяч человек (примерно 8 тысяч семей). Здесь были французы, австрийцы, датчане, шведы, поляки, эстонцы, голландцы, итальянцы. Однако больше всего было немцев. Среди них - представители практически всех немецких племен из всех княжеств, графств, рыцарских земель Германии. Более половины прибывших составляли дети (во многих семьях их было по четыре - пять человек), в большинстве своем несовершеннолетие.

В соответствии с планами Канцелярии первым переселенцам, прибывшим в Россию к осени 1764 года, в нарушение провозглашенного в Манифесте права на выбор места жительства и рода занятий, предлагалось ехать в низовья Волги или прибрежные черноморские степи и заниматься там сельским хозяйством. Многим это не понравилось. Особенно возмущались ремесленники, офицеры и интеллигенция (врачи, учителя, студенты). Но путь назад был для них отрезан. Навигация по морю заканчивалась, да и средств на возврат ссуды и обратную дорогу у них не было. После непродолжительных препирательств и долгой изнурительной дороги по центральной России всех их расселили по правой, нагорной стороне Волги: от Саратова до окружного города Камышина, расположенного южнее.

Немецкие колонии на Нижней Волге 1764-1775 гг.

- 2ая ГРУППА**
Ягодная Поляна (1767) ●
Побочная (1772) ●
Н.ШТРАУБ (1802) ●

Всего было образовано 43 колонии, из которых 10 располагались вдоль Волги, 17 - на реке Карамыш, 12 - на реке Иловле и 4 - на реке Медведице. Организацией большинства из этих колоний руководило правительство.

Эти колонии называли коронными. Лишь 8 колоний на Карамыше и 3 на Иловле были основаны, по поручению Екатерины II, частными лицами - директорами Прекур и Боффе. Первое время эти колонии так и назывались «Боффские колонии». В те же годы религиозным обществом гернгутов в 28 верстах южнее города Царицына на речушке Сарпа была основана еще одна колония - Сарепта.

Партия переселенцев, к которой принадлежал и Иоганн с Анной, прибыла в Россию осенью 1765 года. Её постигла та же участь, что и их предшественников. После выгрузки с судов переселенцев на подводах перевезли из Кронштадта в Ораниенбаум, где объявили о решении Канцелярии, в соответствии с которым всем им предлагалось селиться по левому берегу Волги. Из Ораниенбаума переселенцев перевезли по воде в Петербург, где временно разместили во вновь основанной вблизи города немецкой колонии «Новый Саратов». С этого момента отношение к переселенцам ухудшилось. Значительно сократился размер продовольственного пайка. Взрослым стали давать столько, сколько вначале давали детям. Отправляли из Петербурга колоннами. Для их сопровождения назначались военные. Путь по воде пролегал по Неве, Шлиссельбургскому каналу, Волхову вниз до Новгорода. Здесь больных выгрузили и оставили зимовать. Остальные, проехав еще небольшое расстояние, грузились на подводы и направлялись к Волге. Путь по грунтовым дорогам был не легче, чем по воде. Подводы были перегружены скарбом, детьми и женщинами. Мужчины все время шли пешком. Приближалась зима. Большинство переселенцев было одето не по сезону. От холода и голода многие заболели. Некоторые умерли в пути. Несмотря на это, пока зима окончательно не наступила, переселенцев торопили продвигаться вперед, дальше на юго-восток.

Большинство колонн, и в том числе та, в которой находились молодые Майеры, зимовало в сёлах вокруг города Торжка Тверской губернии. Жили переселенцы в русских семьях, где получили возможность познакомиться с нравами и обычаями российских крестьян, а также выучить несколько русских предложений. Впервые увидели они, как в одном помещении (под одной крышей) живут и люди и домашние животные (свиньи, куры и другая жив-

ность). Большинство изб топились по-чёрному. Питались переселенцы за общим столом с хозяевами. Знаменитые русские щи да пшённая каша почти ежедневно красовались на столах. Пили русский квас. Кроме того, в каждом доме было достаточно молока, и переселенцы научили хозяев делать качественное масло и сыр. Более старательные и умелые помогали местным крестьянам при обмолоте хлебов на гумнах цепами. Этим они могли заработать немного денег. Ремесленникам тоже находилась работа.

Время от времени в деревни, в которых временно располагались переселенцы, правительство направляло священников (лютеранских и католических). Они крестили детей, отпевали покойников, читали проповеди и, как могли, утешали переселенцев. При некоторых колоннах находились постоянные служители культа. Они сопровождали переселенцев до места поселения, где впоследствии организовывали церковное дело. Отдельные колонисты, в том числе и Иоганн, научились за эту зиму довольно сносно изъясняться на русском языке. Однако это властями не поощрялось, и подавляющее большинство колонистов многие десятилетия оставались «немыми» на своей новой Родине.

Вместе с тем, в среде переселенцев, разделённых и днем и ночью всего лишь несколькими шагами, изредка возникали серьёзные конфликты, заканчивавшиеся кровавыми драками и даже убийствами. Положение усугублялось тем, что среди переселенцев были и прямые уголовники, скрывавшиеся от преследования у себя на Родине. Провинившихся по решению старейшин и руководителя конвоя наказывали ударами палок. Иногда доставалось и женщинам. И все-таки при всех неурядицах переселенцев сплачивала общая цель: покинув Родину, они все еще надеялись получить для себя и своих детей новую, более достойную и счастливую долю там, на Нижней Волге, куда направляло их теперь царское правительство.

Весной, как только открылось судоходство, переселенцев на лодках и баржах направили в низовья Волги. Здесь их расселили на луговой стороне (Визензайте), в тридцати верстах от Покровской слободы вверх по течению реки. Из-за больших весенних разливов места расселения (будущие сёла-«колонии») выбирались на некотором расстоянии от Волги, вблизи её старого русла. Всего там было организовано 43 колонии. Восемь из них, расположенных в низовьях реки Большой Караман и на речушке Теляузе, должны были управляться правительством (коронные коло-

нии). Девять колоний, расположенных по среднему Караману, были основаны директорами Лекруа и Пиктет. Наконец 26 колоний, управляемых директорами Боргардт и Монжу, тянулись от реки Теляузы вдоль Волги на север до реки Иргиз и на восток, в степи, до истока Малого Карамана.

В одно из этих мест, будущее село Гаттунг (Цуг) Николаевского уезда Самарской губернии, и прибыли весной 1766 года Иоганн с Анной и детьми. И здесь они, как и тысячи других колонистов в других местах на Нижней Волге, увидели не цветущие южные земли, о которых им так живописно рассказывали вербовщики, а пустынные солончаковые степи, замученные жестокими ветрами, иссушающими засухами и лютыми морозами. И ничего, хотя бы отдалённо похожего на жильё.

Сбившись в кучу, взирали переселенцы на расстилавшуюся перед ними бескрайнюю степь. Лучи холодного утреннего солнца, с трудом пробиваясь сквозь туман и испарения реки, освещали её призрачным светом. Было зябко и страшно. Страшно за себя и особенно за детей, которые, завернувшись в одеяла, дремали на ящиках с домашним скарбом, тюках и корзинах. Действительность оказалась намного страшнее самых мрачных предсказаний скептиков.

Разочаровывающей стала для переселенцев и встреча с представителями Опекунской конторы, в которой все они должны были зарегистрироваться и получить причитающиеся им по договору денежные ссуды, продукты питания, орудия труда, скотину, а также зерно для будущей посевной. Волокита и лихоимство процветали в ней не в меньшей степени, чем в любом другом государственном учреждении. Сроки выдачи колонистам ссуд, строительных материалов, скота, инвентаря непомерно растягивались. Для их получения переселенцам приходилось неоднократно и на продолжительные сроки ездить в Саратов. При этом для жителей левобережья каждая такая поездка была связана с опасностями переправы через Волгу.

Всё лето ушло у Иоганна и его односельчан на получение предусмотренных договором лошадей и коров: по две низкорослых, не приученных к упряжи калмыцких лошади и одной коровы на семью. Необходимый для обработки земли инвентарь: соху, оглобли, колёса и др. выдали только в середине июня, а семена и того позже. Естественно, что в таких условиях о проведении посевной не могло быть и речи. Редко кто из колонистов смог сносно подготовиться к зиме. Большинство ограничилось строитель-

ством землянок или глинобитных хижин, отложив строительство бревенчатых домов на следующее лето. Но сараи для скота построили все. По мере созревания диких яблок, груш, терна колонисты собирали их и сушили на зиму. Некоторым хозяйствам удалось уже этой первой осенью вспахать несколько десятин целины и засеять их рожью. Осложнялась жизнь колонистов и запретом посещать русские сёла, заниматься отхожим промыслом, торговлей. К тому же этому мешало незнание русского языка.

По указанию опекунской конторы в каждом селе колонисты по прибытии на место выбрали открытым голосованием старосту и его помощников (заседателей). Как правило, избирались лучшие люди села, рассудительные, хорошо знающие сельское хозяйство, опытные мужчины в возрасте от 30 до 60 лет. Старосты избирались на один год, заседатели - на полгода. Маленькие села имели двух заседателей, крупные – больше. Должность старосты в первые годы поселения была нелёгкой. До начала XIX века старосты не имели секретарей. А контора требовала строгого наблюдения за всеми колонистами и точной информации о их поведении и деятельности. Что только тогда не спрашивали со старосты! Он должен был вместе с заседателями регулярно обходить закреплённые за ними семьи и следить, чтобы во дворах и в домах было чисто, чтобы дымоходы были в порядке и т. д. Следили они и за тем, чтобы колонисты жили скромно, по средствам. На праздники, даже на свадьбу, не разрешалось приглашать в качестве гостей более десяти человек. Преследовалась игра в карты. Староста должен был присутствовать на всех торжествах (свадьбах, крестинах и т.д.) и следить за общественным порядком и за тем, чтобы никто из колонистов не давал приюта распутным мужчинам или женщинам, чтобы никто без его разрешения не забивал и не продавал скотину. Староста должен был время от времени объезжать границы общественных земель и следить за их маркировкой и за тем, чтобы все дворы колонистов были огорожены плетнями. Получал староста 30 рублей в год (для сравнения заметим, что на рынке в то время корова стоила в среднем 7 рублей, овца 1 рубль 20 копеек, свинья один рубль). Провинившегося староста мог самолично наказать штрафом или принудительной работой. Но приговорить кого-либо к телесному наказанию (розгами или кнутом) он мог только с согласия заседателей.

Непосредственно в селах-колониях первыми администраторами, представителями опекунской конторы, чаще всего назначались офицеры, сопровождавшие переселенцев до места поселе-

ния. Над группой сёл ставили волостного офицера-комиссара, подбираемого, как правило, из прибалтийских немцев, состоящих на государственной службе.

Свою первую зиму на новом месте колонисты, хотя и страдали от непривычных для них морозов и пронизывающих ветров, пережили более или менее благополучно. Заготавливали лес для строительства, готовили инвентарь и семена к посевной. Вряд ли догадывались колонисты, какие «сюрпризы» готовит им природа и люди. Первый удар нанесла природа. Ранней весной бурно разлившаяся Волга затопила во многих колониях левобережья временные жилища переселенцев. Много людей погибло. Оставшимся в живых переселенцам пришлось все начинать сначала на новых, недоступных затоплению местах. Летом началась лихорадка, которая свирепствовала с весны до глубокой осени и тоже унесла немало жизней, особенно детских. Затем оказалось, что земля, выделенная поселенцам села Гаттунг и восьми других колоний на Малом Карамане, совершенно непригодна для земледелия. Через два абсолютно неурожайных года все эти села переселили на новые места вверх по Волге от колонии Ремлер, сохранив за ними прежние названия. Наконец, почти целое десятилетие на Волге не прекращались засухи.

Второй удар нанесли кочующие племена и разбойничьи банды. Нижняя Волга со своими просторами «диких полей» издавна служила им пристанищем. Тут были бежавшие или освобождённые крепостные, купленные в чужих странах рабы, а также кабальные люди, которые продавались вместе со своими потомками, и, наконец, тут были просто разбойники - народ легкой наживы. Их ряды пополнялись дезертировавшими солдатами, а также местными кочевниками.

Вначале сильнее других от бродячих банд страдали колонисты правобережья (нагорной стороны), так как именно через их колонии проходил большой астраханский тракт, около которого в близлежащих лесах и оврагах разбойники имели свои тайные пристанища. С оружием в руках бандиты являлись в села и угоняли «среди бела дня» скотину, особенно лошадей. Ночные нападения и обворовывания отдельных хозяйств были обыкновённым явлением. Особенно часто грабили и убивали колонистов в пути, нападая не только на отдельных путников, но и на целые обозы. Чтобы предупреждать друг друга о приближении опасности, в селах строили сигнальные вышки с постоянными дежурными из колонистов. Иногда несколько сёл объединялись и пресле-

довали грабителей. Кочующие поблизости калмыки и цыгане угоняли скот иногда целыми стадами. Воровали они также детей. Однако никогда не нападали на колонии с целью их полного разорения.

На левобережье сначала все сводилось к похищению лошадей и имущества. Убийства и угон колонистов не имели массового характера. Но в начале семидесятых годов обстановка круто изменилась. Начались крупномасштабные нападения кочевников на немецкие села. Первое такое нападение было совершено в 1771 году на села Шаслуа и Луи на реке Большой Караман. Воспользовавшись тем, что взрослое население находилось в поле на уборке урожая, группа кочевников, состоявшая из 50-60 всадников, забрала не только имущество, но и большую часть оставшихся дома колонистов, угнала их далеко на восток и продала на базарах Хивы и Бухары. В том же году была разорена колония Цазерфельд в верховьях реки Малый Караман.

Через три года, 28 августа 1774, хан Нурали, воспользовавшись тем, что царское правительство было занято подавлением пугачевского восстания, совершил жестокое и разрушительное нападение на село Мариенталь, расположенное на реке Большой Караман. Был жаркий воскресный день, колонисты, прослушав богослужение, выходили из церкви. В этот момент в село ворвался большой конный отряд кочевников. Возникла паника. Нападавшие, размахивая обнажёнными саблями, хватали людей, связывали их, а потом вместе со скотом и награбленным домашним скарбом угнали в степь на восток.

Весть о случившемся быстро распространилась по округе. Из соседних сел собрались добровольцы для преследования кочевников и освобождения пленных колонистов. Образовался отряд из 150 человек, который во главе с пастором Людвигом Вернборнером направился в погоню за бандитами. Однако вскоре отряд колонистов сам попал в руки более чем тысячного отряда кочевников, также идущих грабить немецкие села. Почти весь отряд колонистов был уничтожен. Оставшихся в живых людей привязали к седлам и заставили бежать рядом с лошадьми. Обессилевших тут же приканчивали. Заночевав в степи, кочевники утром продолжили свой путь на запад в поисках немецких сёл. Оставшиеся в живых пленные, от которых требовали указать дорогу до ближайшего села, вели их в обход Мариенталья. Поняли это кочевники только тогда, когда совсем в стороне услышали звон ко-

локола, призывающего мариентальцев к заутрене. Взбешённые, набросились они на пленных и зверски убили их.

Когда на наблюдательной вышке села Мариенталь заметили облако пыли от приближающейся большой толпы, то подумали, что это возвращается их отряд с освобожденными сородичами, но вскоре поняли свою ошибку. В селе начались приготовления. Прятали женщин и детей, вооружались, чем могли (вилами, косами, топорами), разобрали мост. Но было уже поздно. Переплыв реку, кочевники на лошадях ворвались в село и полностью разграбили его. Сопrotивляющихся убивали, женщин и детей насиловали.

В тот же день другие отряды кочевников разорили еще восемь колоний вниз по реке Большой Караман. Уцелевшие колонисты толпами уходили из своих сёл в Катариненштадт, Покровскую слободу и Саратов. Разграбление покинутых сёл завершили яицкие казаки из разбежавшейся армии Пугачева. 24 октября 1774 года аналогичному нападению подверглись пять Тарлыкских колоний.

В общей сложности в плен к кочевникам попало около 1200 колонистов, число же убитых даже ориентировочно не установлено. Колонисты были совсем терроризированы. Многие задумали бежать из колоний, переселиться на новые спокойные места. Были даже посланы представители на Кавказ, чтобы разведать обстановку. Но посланцы вернулись с плохими вестями. Там тоже неспокойно, горские племена Кавказа совершают набеги на переселенцев из Украины и центральных областей России.

В опекунской конторе встревожились настроением переселенцев и предприняли шаги для обеспечения безопасности немецких колоний. В сёла были направлены постоянные войсковые части. Сами колонисты строили земляные валы и другие защитные сооружения. Но не все из них удовлетворились этим. Некоторые на свой страх и риск предприняли попытку вернуться тайком на свою старую Родину, однако были пойманы казаками и возвращены в свои сёла. Многие при этом поплатились жизнью. Но кое-кому всё же удалось бежать и поселиться в центральных областях России. Выбраться на свою историческую родину удалось лишь единицам. В общей сложности в этот период колонии на Нижней Волге покинуло не менее 2000 колонистов. Оставшиеся же еще многие годы жили под страхом нападения кочевников.

В эти первые годы жизни в России колонистам приходилось очень тяжело. Урожаи из-за обрушившейся на этот регион много-

летней засухи были очень плохими, к тому же семена от правительства поступали с большим опозданием, в результате чего посевные работы не могли быть выполнены своевременно. Непривычные к жизни в континентальных условиях, колонисты страдали от малярии. В деревнях регулярно вспыхивали эпидемии, как среди людей, так и среди скота. Уровень смертности в эти первые годы был очень высоким. В некоторых сёлах умерло до 80 процентов прибывших.

Иоганну и его семье эти первые десять лет жизни на Волге, как и большинству других колонистов, дались с большим трудом. Особенно первые три года. К физическим трудностям и материальным лишениям, которые значительно превосходили всё, что им когда-либо приходилось переносить дома, в Германии, добавилась неуёмная тоска по Родине. Тёплый мягкий климат, моросящие дожди и туманы, сочная зелень, уютные, увитые плющом и виноградными лозами домики, аккуратные, в белых накрахмаленных фартуках женщины, бритые мужчины, умытые и причёсанные дети - все это было теперь в далёком прошлом и являлось Иоганну разве что только во сне. Он умел и любил трудиться, не гнушался никаким трудом, но тяга к городской жизни еще долго преследовала его. Анна, прожившая большую часть своей жизни на хуторе, страдала, кажется, меньше. Ему же явно не хватало городских построек, мощёных улиц, магазинов и, главное, книг. Два молитвенника, один песенник и детскую книгу с немецкими народными сказками он берег как величайшую ценность. В долгие зимние вечера, напрягая зрение, читал он сказки своим сыновьям при тусклом свете лампы. Анна садилась тут же, рядом, с шитьем: чинила и штопала поизносившуюся одежду.

Иоганн любил свои вынужденные поездки в Опекунскую контору и не роптал, как другие, на волокиту и безответственность её работников. Ему нравился Саратов, особенно в ранние утренние часы, когда его улицы еще были свободны от прохожих, подвод и экипажей, а встающее за Волгой солнце мягко освещало купола церквей и ряды каменных и деревянных домов. Нравилась цепь невысоких голубоватых гор, окаймляющих город, и захлёстывающий их зелёный прибой дубрав. Нравилась Волга в эти ранние часы, такая величественная и спокойная. Днем она пробуждалась. Сотни судов, барж, лодок - одни под парусами, другие на вёслах, но чаще всего влекомые бурлацкой тягой - швартовались у саратовского берега. Здесь кипела торговля - рыбная, соляная, хлебная, мануфактурная, галантерейная. Днем он ходил по рын-

ку, тщетно надеясь познакомиться с живущими в городе соплеменниками. Но их в то время в Саратове было совсем немного, не более ста человек, в основном, наиболее состоятельных представителей интеллигенции. В самых сокровенных глубинах души Иоганн еще хранил надежду когда-нибудь открыть здесь, в Саратове, переплётную мастерскую. Но мечте этой не суждено было осуществиться. Заботы деревенской жизни все больше и больше засасывали его.

Существенный сдвиг к лучшему в жизни колонистов произошел только в 1775 году, когда после обильных дождей они собрали первый хороший урожай зерновых. Засыпав собственные семена, колонисты стали независимыми в своей сельскохозяйственной деятельности. С этого года прекратилась выдача ссуд и средств на содержание переселенцев. Следующие годы благоприятствовали поселенцам. Они распахали много целинных земель, построили добротные дома и надворные постройки, посадили сады, начали разводить лошадей, в основном орловской породы, голландских коров, свиней йоркширской породы, завезли и вырастили на новом месте картофель, который местные жители стали выращивать лишь спустя 50 лет, занялись разведением табака. Табак имел в то время хороший сбыт. Вначале его покупали кочевники, потом появились купцы из центральных районов России. Цены на табак и зерно повышались, хозяйства крепки.

Уже в конце 18 века колонисты продавали в соседние губернии и столицу бумажные и полушелковые платки, тонкую бумажную нить, бумажные чулки и колпаки, разные полушелковые материи, табак, свечи, мыло, кожи и т.д. В колониях возводились небольшие кожевенные и кирпичные заводы, табачные и горчичные фабрики, водяные и ветряные мельницы. В России и за рубежом пользовалась спросом бумажная ткань сарпинка (по имени колонии Сарепта). Сарептский табак продавали в Персию и Турцию. Однако так жили далеко не все колонисты. С ростом семей надел земли, приходящийся на одного поселенца, стал быстро сокращаться. Так, если в 1767 году на одного человека приходилось 17 десятин, то в 1816 году только 10.5 десятин, в 1848 - 3.8, а в 1914 - 1.5 десятины. Количество безземельных крестьян быстро росло. В результате правительство вынуждено было разрешить колонистам заниматься отхожим промыслом, домашним ремеслом.

Сама жизнь в колониях была организована по принципам землячества и веры, по образцу и подобию той, что навеки запе-

чатлелась в сердцах переселенцев, не способных разлюбить оставленный далекий Фатерланд. В сёлах строили школы и церкви, часто одновременно католическую и лютеранскую, считая, что с их помощью легче всего сохранить национальные чувства. Изъяснялись колонисты, большинство из которых были выходцами из Швабии (историческое название земли Баден-Вюртенберг, что на юго-западе ФРГ), в основном на швабском диалекте немецкого языка. Впоследствии каждый из них должен был знать также и русский как государственный язык их новой Родины.

Духовная жизнь в колониях того времени всецело определялась деятельностью служителей культа, которые разделяли с переселенцами все тяготы повседневной жизни и пользовались в их среде большим уважением. Это не устраивало иерархов православной церкви. Опасаясь распространения чужеземной веры на русские сёла, они добились от опекунской конторы запрета на вмешательство служителей культа в житейские дела колонистов. В результате духовное влияние церкви стало ослабевать. Опекунская контора пыталась заменить это влияние многочисленными инструкциями и приказами, регламентирующими семейную жизнь колонистов. От волостных и сельских старост требовали, чтобы они на всех собраниях и при частном общении с колонистами объясняли последним, как вести себя с родителями, как воспитывать детей, чтобы те росли хорошими, трудолюбивыми людьми. В инструкциях опекунской конторы указывалось, как проводить свободное время в воскресные дни, что можно в праздники дарить друг другу. Запрещались танцы и музыка в большие церковные праздники, пение и гулянье молодёжи по улицам сёл вечером и ночью. Особенно строго наказывалось воровство. Кроме назначенного количества ударов кнутом, виновного водили по улицам села с привязанным к спине украденным предметом. Нередко такое наказание выливалось в шествие, состоящее в основном из молодёжи, которая выкриками и улюлюканьем позорила вора. За крупные кражи исключали из общины и высылали в Сибирь.

Менее строго осуждалось пьянство. Хотя и существовали специальные указания конторы и решения местной власти по борьбе с этим злом, но за их нарушения карали редко. Знакомство поселенцев с водкой началось еще в период их миграции в Россию. На кораблях им ежедневно выдавалось по порции этого зелья. После прибытия на Волгу колонистам запретили заниматься пивоварением, хотя пивоваров среди них было немало. Ли-

шившись своего любимого напитка, колонисты постепенно привыкли к водке, некоторые злоупотребляли ею, особенно в праздничные дни, но настоящих алкоголиков в колониях было мало. Их имена раз в год сообщались в опекунскую контору.

В долгие зимние вечера, когда было поменьше работы, взрослые мужчины поочередно собирались друг у друга, рассказывая бывалые и небывалые истории, делились впечатлениями, играли в карты и выпивали. Женщины также по вечерам собирались группами с вязанием или другой работой, пели немецкие народные песни, досыта сплетничали.

Шёл распад старых семейных устоев. Описывая обычаи и нравы переселенцев, немецкий историк А.Н. Миних писал: «Колонисты большей частью грубы и невежливы, характер их настойчив и упрям». И это не удивительно. Такими их делали непосильный труд примитивными орудиями, частые засухи, сводившие на нет все усилия, все муки сельскохозяйственного года, постоянные набеги кочевников, издевательства и поборы представителей власти. Не случайно в первое десятилетие почти половина всех колонистов «приказала долго жить». Но это был настоящий завет оставшимся: обязательно выжить.

Все эти годы переселенцы не забывали об обучении своих детей. Первыми учителями по традиции были шульмейстеры - помощники служителей культа, которые содержались за счёт средств общины. Шульмейстеры выбирались из числа учителей и студентов, которых среди колонистов было немало. Первое время, до строительства школ, обучение проводилось на квартире учителя. За это община платила ему дополнительно. Впоследствии обучение велось в добротных школах, построенных во всех сёлах наряду с церквями. В них мальчиков обучали чтению, письму, арифметике и Закону Божьему. Девочек - только чтению и Закону Божьему. Обучение велось на родном языке. В целом в первое десятилетие школьное дело в колониях было поставлено неплохо. Ни у какой другой народности России не было в то время всеобщих народных школ. Результатом была самая высокая грамотность в России. Однако сказывалась изолированность колонистов от культурных процессов в Германии и России. Еще многие годы, если не десятилетия, им оставалось неведомым творчество молодых в те годы Ф. Шиллера и И. Гете. Незнание же русского языка делало невозможным знакомство с творчеством Д.И. Фонвизина, Н.М. Карамзина, А.Н. Радищева. Несмотря на это, немецкое Поволжье дало России немало деятелей культуры

и науки: декабрист и исследователь Средней Азии А.Е. Кноблох; критик, поэт, переводчик, сотрудничавший в пушкинском «Современнике», Э.И. Губер (Груббер); историк, краевед, автор многочисленных научных работ А.Н. Миних и многие другие.

С делением Российского государства на губернии Опекунская канцелярия в Петербурге, как и Опекунская контора в Саратове, в соответствии с указом Екатерины II от 30 апреля 1782 года, т.е. менее чем через 20 лет после издания Манифеста, были ликвидированы. Были также ликвидированы и все особые права, предоставленные колонистам Манифестом, а так же местное самоуправление. Все колонисты были приравнены к русским коронным (государственным) крестьянам, и на них были распространены всеобщие государственные законы. Теперь колонисты имели дело с Казённой Палатой, с исправниками, приставами, с земским и уездным судом. Чиновники обращались с ними бесцеремонно и грубо. Многократно возросли взятки и вымогательства. Особенно страдали они от незнания русского языка. И самым большим желанием стало иметь руководителей и администрацию, знающих немецкий язык. В этот «бесконтрольный период» колонисты лишились многих, наиболее плодородных земель, выделенных им в момент поселения. Их раздавали русским коронным крестьянам и русским дворянским семьям.

В то же время разрастающиеся семьи колонистов, в соответствии с договором, претендовали на новые земли. По-видимому, этим обстоятельством был вызван указ от 9 мая 1785 года, разрешающий колонистам переселение на Северный Кавказ, Моздокскую линию. Однако запланированного переселения не произошло. В конце восьмидесятых годов взамен семейного надела был введен раздел пахотной земли на души мужского населения. Лишь пастбища и леса оставались в общинном пользовании.

К этому времени Иоганн и Анна, прожив в Гаттунге более четверти века, вполне освоились с жизнью на новой Родине: сеяли пшеницу, рожь, лён и коноплю, сажали картофель и табак, ухаживали за скотом. Старшие сыновья, приехавшие с ними из Германии повзрослев, отделились, получив от общины и опекунской конторы свои участки (по 20 десятин на каждую душу мужского населения). Младший, Яков, родившийся в 1776 году уже в России, продолжал жить с родителями. По существовавшему тогда закону именно он, младший сын в семье, должен был унаследовать после смерти отца его хозяйство. Умер Иоганн в 1805 году в возрасте 73 лет. Анна еще 8 лет жила в семье Якова.

Яков Иоганович Майер и был прадедом моего отца (моим прапрадедом). В семье Якова было четыре сына. Старшего, родившегося в 1802 году, когда Якову исполнилось 26 лет, в честь деда называли Иоганном; второго, родившегося в 1804 году, в честь отца - Яковом; третьего, родившегося в 1806 году, - Генрихом; четвертого, родившегося в 1810 году, - Антоном. Это было второе поколение Майеров, родившихся на российской земле.

Шли годы, сыновья, взрослея, все активнее включались в хозяйственную жизнь семьи. Но их деятельность сдерживалась отсутствием свободных земель. В аналогичном положении оказались многие семьи не только Гаттунга. В двадцатых годах 19 столетия началось самовольное переселение колонистов на Оренбургские земли, где они у местных помещиков покупали себе землю в собственность «навечно». Для пресечения таких самовольных действий колонистов и усиления внутреннего порядка в их среде государство ввело институт окружных смотрителей. Это были уши и руки министерства внутренних дел. Окружные смотрители имели широкие полномочия, и от них пострадало много невинных людей. Однако продолжавшее нарастать малоземелье и снижение доходов от сельского хозяйства делали своё дело. Начался уход целых семей и отдельных членов больших семей в города и, в частности, в Саратов. Здесь они основали «Немецкую слободу», которая со временем срослась с городом и впоследствии стала его центром (Немецкая и Никольская улицы).

Яков Иоганович Майер умер в 1831 году, прожив всего 55 лет. Хозяйство, в соответствии с законом, унаследовал его младший сын Антон, которому исполнился двадцать один год. Положение старших братьев: Иоганна, Якова и Генриха, которые к этому времени успели обзавестись семьями, осложнилось. Земля, находившаяся в распоряжении разросшейся семьи, уже не могла ее прокормить. Иоганн и Яков вынуждены были подрабатывать извозом, плотническими работами. Генрих вместе с Антоном работали на земле.

Учитывая обстановку, сложившуюся на Нижней Волге, правительство Николая I в 1840 году выделило немецким колонистам новые земли, в основном к востоку от прежних колоний. Туда с 1848 по 1867 годы переселились многие семьи из старших колоний (Муттерколониен), образовав 66 новых - дочерних - колоний (Тохтерколониен): 12 на нагорной и 54 на луговой стороне Волги. Одними из первых в новые колонии переехали с семьями Иоганн и Яков. В Гаттунге остались Антон и Генрих. В семье последнего

было три сына: Фридрих, родившийся в 1830 году, Карл, родившийся в 1836 году, и Франц, родившийся в 1840 году. Через шесть лет родилась дочка Анна. Большая семья была и у Антона. Жилось им нелегко, но переезжать на новые земли Генрих Яковлевич не решался. Только через три года после его смерти, а умер он в 1857 году в возрасте всего 51 года, его старший сын Фридрих вместе с большой группой выходцев из сёл Гаттунг, Золотурн, Ватман и Шенхен перебрался в Мариенбург - одно из новых сёл Верхнекараманской волости Новоузенского уезда Самарской губернии.

Для переселившихся в Мариенбург все началось сначала: строительство жилья, освоение целинных земель, обзаведение скотом, с той только разницей, что теперь средства выделяло не государство, а колонии, из которых выезжали переселенцы и сама семья. Наученные горьким опытом колонисты и на новых землях быстро встали на ноги. В результате всех этих перемещений Семья Якова Иогановича, его дети и внуки, оказались разбросанными по огромной территории заволжских степей. Связь между ними постепенно утрачивалась. Изнурительный сельскохозяйственный труд не располагал к переписке и тем более к личным визитам, требовавшим дорогих и многодневных поездок, сопряженных к тому же с немалыми опасностями.

В Мариенбурге Фридрих Генрихович Майер, отец моего отца и мой дед, женился на дочери колониста Фаллера из Катериненштадта. Звали её Доротеей. В Мариенбурге у них родились три сына: в 1864 году – Карл, в 1867 году – Адольф, в 1870 году – Эдуард и в 1873 году дочь Амалия.

Отношение российского государства и общественности к российским немцам стало быстро ухудшаться после объединения германских земель и образования в 1871 году единой германской империи, геополитические интересы которой на Балканах столкнулись с аналогичными интересами России в этом регионе. Началось противостояние двух империй, приведшее, в конце концов, к войне 1914 года.

Многое в деятельности немецких колонистов раздражало российскую общественность: и быстрый рост их численности, и сравнительное благополучие, и мнимые льготы, и скупка земли у разорявшихся помещиков, и неподатливость к ассимиляции, особенно религиозной. Изданный в 1907 году «Путеводитель по реке Волге и её притокам» сообщал: «Немцы-колонисты живут замкнутой жизнью, строго придерживаясь своей лютеранской или като-

лической религии, обычаев и нравов своей страны, почти не поддаваясь влиянию склада жизни России, сохраняя родной язык и едва владея русским и то лишь настолько, насколько им это необходимо. Браков с русскими не бывает, а во всём складе жизни и умственном кругозоре проглядывает влечение ко всему родному».

В этом отношении особенно выделялись менониты, переселившиеся в Россию двумя партиями: первая - в период царствования Екатерины II и вторая - в период царствования Александра II. Менонитство возникло в Нидерландах в тридцатых годах шестнадцатого столетия. Элементом их вероисповедания был отказ от государственной службы в любой её форме, в том числе и отказ от воинской службы. У себя на родине менониты жестоко преследовались, что вынудило их переселиться сначала в Польшу и Пруссию, а затем в Россию.

И Екатерина II и Александр II приглашали менонитов в надежде, что их широкие познания и богатый опыт в сельском хозяйстве, и особенно в животноводстве, будут способствовать развитию последнего в России. Оба правителя обещали менонитам и их потомкам свободу отправления религиозных обрядов, освобождение от воинской повинности, большие наделы земли (до шестидесяти десятин на одну семью), освобождение от налогов на десять лет и так далее. В результате именно менониты образовали наиболее замкнутую, монолитную и хорошо материально обеспеченную группу переселенцев.

Расширение и укрепление на российской земле такого инородного образования в сочетании с растущей мощью германской империи и «засильем» немцев в государственных учреждениях вызвало открытое недовольство в российском обществе. Появились статьи, книги, в которых говорилось, что немцы планомерно «завоёвывают Россию», скупают, захватывают её землю. Правительство, встревоженное складывающейся обстановкой и общественным мнением, издало в 1874 году ряд законодательных актов, лишивших колонистов последних остатков самоуправления, культурной автономии и освобождения от воинской повинности.

Саратовская контора опекунов, восстановленная в своё время Павлом I, была вновь ликвидирована. Было учреждено новое звено управления - уездное земство, которому стали непосредственно подчиняться уездные правления и которое стало руководить школьным делом. Обучение было предложено вести на русском языке. Это было сильным ударом для колонистов, не

знавших русского языка. Даже название «колонист» было заменено другим «поселянин-собственник». И налогов стало больше, к государственным, волостным и сельским налогам, прибавились еще и земские налоги.

Естественной реакцией колонистов на такие меры правительства стала их массовая миграция, прежде всего в Канаду и Соединённые Штаты, где все переселенцы были желанными людьми. Там было много свободной земли и никакой воинской повинности. Со своей стороны, русское правительство не чинило никаких препятствий колонистам, желающим выехать из России. В результате в конце семидесятых годов в Южную Америку, Канаду и Соединённые Штаты выехало несколько сотен тысяч человек.

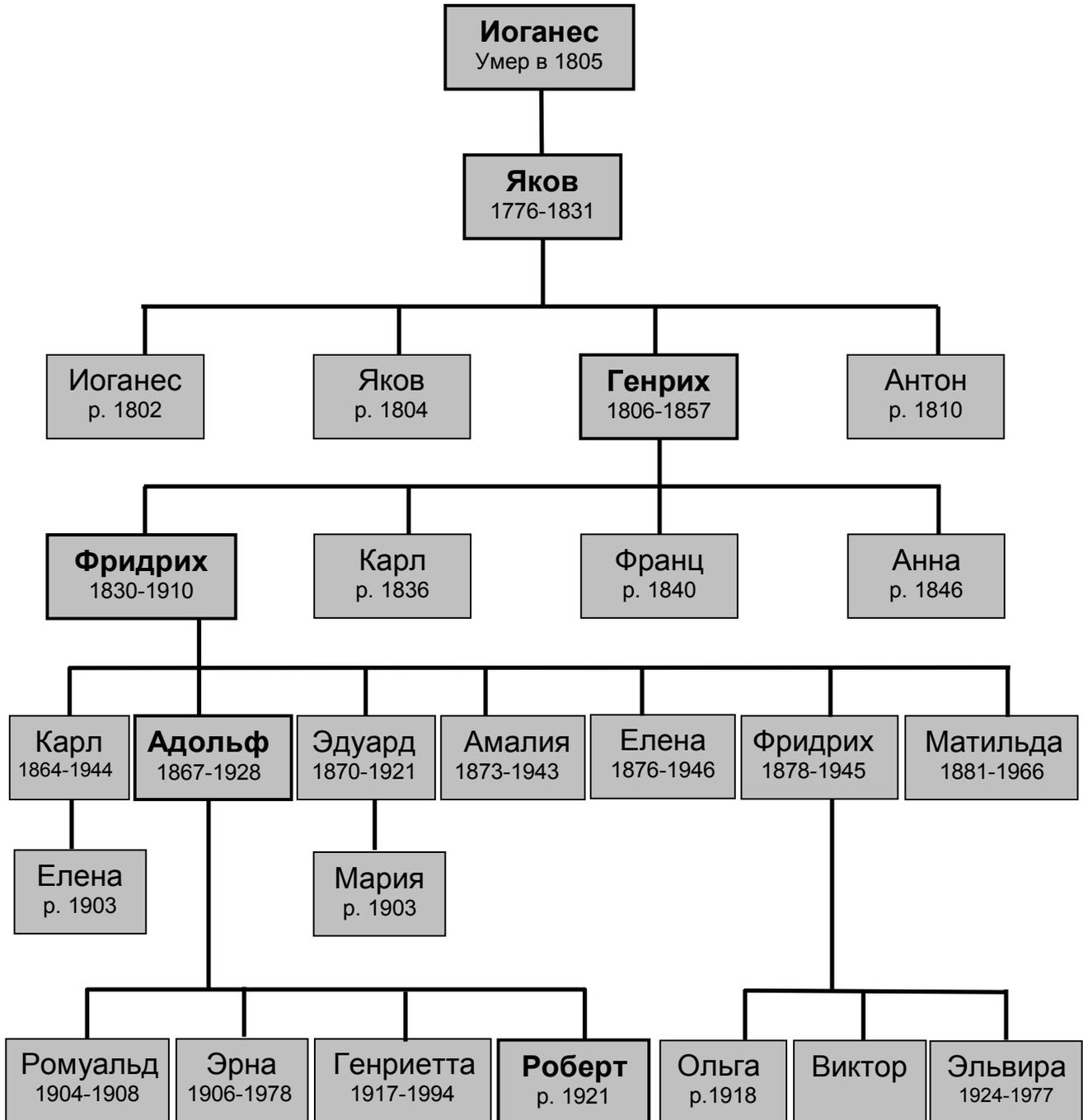
Кроме того, тысячи немецких семей потянулись на юг Западной Сибири, где, по доходившим до них сведениям, было много пустующих земель, и не столь жёсток надзор со стороны центральной власти.

Мой дед, Фридрих Генрихович Майер, как впрочем, и его братья, Карл и Франц, не делал попыток мигрировать из России. Все свелось к тому, что в 1875 году, распродав свое имущество в Мариенбурге, он с семьей переехал в Саратов, где купил небольшой двухэтажный дом по улице Царицынской под номером 50. На первом его этаже он оборудовал переплётную мастерскую, реализовал, наконец, давнюю, передававшуюся от поколения к поколению мечту своего прадеда Иоганна, о жизни в городе. В мастерской он работал сам, привлекая подрастающих сыновей. Здесь, в Саратове, у них с Доротеей родились в 1876 году Елена, в 1878 году Фридрих и в 1881 году Матильда. Это было четвертое поколение Майеров на российской земле.

Соответствующая родословная приведена на следующей странице. По её поводу, прежде всего, заметим, что у Иоганна кроме Якова было ещё два сына, которые родились в Германии и приехали в Россию с родителями, однако об их судьбе мне ничего не известно и в родословной они вообще не обозначены. Неизвестна мне и судьба детей Якова: Иоганна, Якова и Антона, а также детей Генриха: Карла и Франца. По поводу семьи дедушки, Фридриха Генриховича я информирован лучше.

После революции во всех документах немецкое имя Фридрих было заменено на русское – Федор: отец стал Адольфом Федоровичем, а дядя Фридрих Фридрихович – Федором Федоровичем.

Родословная семьи Майер на Российской земле

Тесную связь мой дедушка, Фридрих Генрихович, поддерживал со своей сестрой Анной Дорцвейлер, которая через несколько лет после отъезда старшего брата из Мариенбурга тоже переехала в Саратов вместе с мужем. У них была дочь – Елизавета Бейфорт, приходившаяся моему отцу двоюродной сестрой. Её в нашей семье звали тетя Лизхен. У тети Лизхен было двое детей: сын и дочь. Сын, владевший в период нэпа кондитерской (производством и торговлей), у нас практически не бывал. Во всяком случае, об этом у нас никто не вспоминал. Другое дело её дочь – Елена, которую у нас звали то Ленди, то Ленхен. Жила Ленхен у своего брата и часто бывала у нас. Несмотря на то, что Ленхен была на 9 лет старше Эрочки, они были очень дружны. В свою очередь Ляля (Генриэтта) была очень дружна с Олей Майер, дочкой дяди Феди (Фридриха Фридриховича Майер), родившейся в 1918 году.

Так как дальнейшее повествование связано с семьей Адольфа Федоровича Майер, считаю необходимым сообщить вам моим детям и внукам то немногое, что мне известно о других наших родственниках по отцовской линии.

Карл Федорович (Фридрихович) Майер (1862 - 1944), умер в селе Кайлах Новосибирской области, куда был выселен в период массовой депортации немцев Поволжья в возрасте 79 лет, жил в страшной нужде, умерев фактически с голоду. Его жена - Мария Михайловна умерла еще в 1940 году и поэтому избежала высылки. У них было двое детей: сын, у которого в результате удара битой по ноге развился туберкулез костей и который умер совсем молодым, и дочь Елена, родившаяся в 1903 году и вышедшая замуж за агронома Лебедева. То, что Лебедев был русским спасло её от массовой депортации 1941 года.

Эдуард Федорович Майер (1870 - 1921), умер в Саратове в год моего рождения. Был женат. Его дочь Мария Эдуардовна была замужем за Тринихиным, что и её впоследствии спасло от депортации 1941 года.

Федор Федорович Майер (1878 - 1945) до выселения работал в фундаментальной библиотеке Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Был женат. Имел трёх детей: двух дочерей Ольгу и Эльвиру и сына Виктора. В 1941 году вместе с женой и дочерью Эльвирой был выселен в село Нарым Новосибирской области, где и скончался в 1945 году. Его дочь, Ольга Федоровна Майер, родившаяся в 1918 году, была замужем за русским и поэтому в сорок первом из Саратова не выселялась.

Долгое время вместе с мужем жила в однокомнатной квартире родительского дома. Сын Федора Федоровича Майер, Виктор Федорович в 1941 году был призван в трудовую армию, работа и жизнь в которой мало отличалась от лагерной. Сумел выжить. После спецпоселения жил под Тулой. Вам моим детям предстоит выяснить, в каком возрасте он умер, и были ли у него дети, и если были, то где они сейчас. Младшая дочь Федора Федоровича Майер, Эльвира Федоровна вышла замуж за Льва Эрнестовича Бухгейма, У них трое детей: два сына – Александр и Сергей и дочь – Ольга, жили в Новосибирске.

Амалия Федоровна Майер (1873 - 1943), в сорок первом, в возрасте 68 лет была выслана вместе со старшим братом Карлом в село Кайлах Новосибирской области, жила в страшной нужде и умерла от голода в 1943 году.

Елена Федоровна Майер (1876 - 1946). Умерла, как и её старший брат, и старшая сестра в ссылке.

Матильда Федоровна Майер (1881 - 1966), так же была выслана как немка в Новосибирскую область. Сначала бедствовала, но потом ей удалось перебраться к своей племяннице, моей старшей сестре Эрне Адольфовне Гунгер, тоже находившейся на спецпоселении в Новосибирской области. Она была последней из некогда многочисленного и дружного семейства Фридриха и Доротеи Майер. Умерла Матильда Федоровна в возрасте 85 лет в селе Здвинск Новосибирской области на руках своей любимой племянницы.

Жизни же и судьбе детей Адольфа Федоровича Майер посвящено дальнейшее повествование.

О маминых родственниках мне известно только, что её дядя Роберт Ирганг, живший в тридцатые годы в Дрездене, имел то ли двух, то ли трех сыновей, которые по рассказам матери были врачами.

Дополнение, которое не вошло в книгу.

Жену Федора Федоровича Майера (мы его звали дядей Федей) звали Антониной. Ее отец чех, возможно в первую мировую войну бежавший или отставший от чехословацкого корпуса. Было у них четверо детей, три дочери и сын. Одна из дочерей, ее имени я не знаю, умерла в возрасте 18 лет от холеры. другая, Ольга (1918), была дружна с моей сестрой Генриеттой (тетей Лялей). Еще до войны вышла замуж за русского и поэтому в сорок первом

из Саратова не выселялась. Долгое время вместе с мужем жила в однокомнатной квартире родительского дома.

Виктор Федорович Майер в 1941 году был призван в трудовую армию, сумел выжить. После спецпоселения жил под Тулой. Умер в 90-х годах. Было у него два сына (Валентин Викторович и Игорь Викторович) и дочь, имя которой узнать не удалось..

Младшая дочь Федора Федоровича Майер, Эльвира Федоровна вместе с отцом и матерью в 1941 была выслана в Нарым. В Сибири она вышла замуж за Льва Эрнестовича Бухгейма. У них трое детей: два сына – Александр и Сергей и дочь – Ольга. У Александра Львовича (1948 г.р.) Бухгейма жена Татьяна, сын Саша и сын Лева. У Сергея Львовича Бухгейма сын Сергей и дочь Елена. О детях Ольги Львовны Бухгейм (по мужу Колеровой) мне пока ничего не известно.